

ПО ТУ СТОРОНУ

ВОСКРЕСЕНСКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№14 (АВГУСТ 2020)

НЕКРОЛОГ

Автор: **Д. Миненков**

12+

Дмитрий Миненков

Некролог

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Миненков Д.

Некролог / Д. Миненков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Скромные очерки одинокого промоутера Антона, из которых вы узнаете, как организовать свой быт, если после смерти вместо загробного мира вы оказались в заброшенной деревушке близ кладбища.

Содержание

Пролог	5
Интервью	6
Призвание	10
14.07	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Миненков

Некролог

Пролог

- И что?
- Что?
- Я готов...
- Ну, раз готов, иди.
- А куда идти?
- Да куда хочешь.
- Это как?
- Очень просто. Встаёшь, задвигаешь за собой стул, уходишь и не задерживаешь очередь.
- Какую очередь? Я же здесь один? И как я выйду, если в этой комнате ни одной двери?!
- Так же как вошёл сюда.
- Я... Я не помню, как здесь оказался...
- Зато я помню. Как и большинство, очень посредственно.
- А есть выдающиеся случаи?
- Редко, но бывает всякое. Я смотрю, готовности в тебе поубавилось?
- Нет. Просто не каждый день разговариваю в таком месте.
- А вот я здесь каждый день. И разговаривать мне с тобой не о чем.
- Не о чем? Так зачем ты тогда здесь сидишь...

Реплики раздавались в такт мерным раскачиваниям тусклой лампочки, повешенной на длинном грязно-сером кабеле. Старый металлический плафон собирал лучи слабого света в широкий конус, который последовательно высвечивал буро-зелёную штукатурку стен, две сидящие на табуретах фигуры в длинных, до пола, балахонах с накинутыми капюшонами в тон здешнего интерьера и грубо сколоченный пустой деревянный стол между ними.

Слова продолжали множиться и петлять друг за другом, не в силах выстроиться в нужную комбинацию, и диалог всё дальше уходил от сути происходящего.

Блёклому свету так и не удалось наткнуться хоть на какое-то подобие двери в стенах этой крохотной комнаты...

Интервью

– Привет, – говорит сонная жена рано встающему на работу мужу.
– Здравствуйте! – говорит замороженный красотой восхода мальчишка, заметив курящего на смежном балконе соседа.
– Счастливого дня, – говорит задумчивый дворник вслед приветливым, спешащим на службу прохожим.
– Ещё полчаса, – говорит студент, упрашивая сквозь сон будильник.
– Черт бы побрал это утро... – говорит Антон, поднимаясь через силу с жёсткой постели.
Странно, но оказалось, что такой редкий индивид, как Антон, скорее ближе к студенту, чем к обычному человеку.

Давайте же узнаем поподробнее, как начинается он свой обычный (или не совсем?) день.

Следующий фрагмент является частью дневника, записанного Антоном по нашей просьбе специально для этого интервью (орфография и пунктуация автора полностью сохранены).

С уверенностью заявляю, что утро – самое поганое время суток, вне зависимости от того во сколько вы встали. Да-да, и не пытайтесь меня переубедить, счастливое утро бывает только в рекламных роликах.

Вечер, ночь, они расслаблены, полны надежд, покоя, граничащего с магией, ради них стоит претерпеть неисчерпаемую суматоху дня.

Но утро... оно бесцельно, бракованное звено, соединяющее в цепочки череду дней. Оно, как молния, пробивает покойный небосвод сна и начинает гнать тебя навстречу однотипной суете, в которой так просто растерять все драгоценные дары ночи: хоть чего-то да стоящие мысли, уверенность, планы. К концу дня ничего из этого у тебя уже нет, и ты, увлечённый ночной безмятежностью, снова отправляешься на поиски подлинных ценностей, надеясь, что теперь-то точно удастся их сохранить.

Но утро безжалостно.

Этой ночью, мне кажется, я почти смог понять, почему именно мне довелось оказаться в числе немногих, отправленных то ли в награду, то ли в наказание (я больше склоняюсь ко второму) обратно. Нерешительность, сомнения, страх – всё завязано на этом. Но усталость заставляет меня уступить, и несколько мыслей, записанных в полудрёме – то небольшое, что удаётся спасти.

11.07

Перечитал вчерашнее – в момент написания оно казалось мне более значимым. Но зато теперь вы понимаете, с какими чувствами я встретил это утро (впрочем, как и любое другое).

Сегодня интервью (на которое я непонятно зачем согласился), наверное, поэтому ежедневный ритуал разглядывания себя в зеркало я растянул на бессовестные полчаса. Случалось, что я объяснял себе бледность и худобу особенностями освещения в комнате и старостью кое-где совсем помутневшего и затёртого зеркала (до сих пор не могу понять, кому пришло в голову притащить такую громадину в маленькую избушку: может, низкая цена на барахолке не дала бывшим хозяевам пройти мимо этого потрепанного раритета). Тем не менее, на этот раз я был уверен, что выгляжу и вправду неважно.

Высокий, но безнадежно сутулый, весь торс в длинных синюшных рубцах, руки и ноги, кажется, каким-то чудом приводятся в движение тощими тяжами слабых мышц под тонкой кожей. Лицо... это отдельная история.

Мне кажется, что моё лицо изображает застывшую навеки раннюю весну: из под грязно-белого покрова кожи тут и там пробиваются к свету разрозненные пучки жиденькой раститель-

ности, включенные жесткие волосы на голове продолжают редеть и напоминают нагромождение пустых ещё с осени веток, серо-зелёные лужицы глаз подсыхают на первом обманчивом солнышке.

В общем, такой себе видок. Пришлось набрать из колонки побольше воды и бриться, умываться и причёсываться в два раза тщательнее обычного. Прямо как на свидание. Стало даже как-то жаль, что это не так (хотя кому я такой недобитый сдался).

Думаю, стоит надеть парадно-выходную оранжевую футболку (скроем блёклое существование за яркими цветами!) и очки – день обещает быть солнечным. Или лучше кепку? Тогда к чему я столько причёсывался?

И зачем я вообще пишу всё это? Хотя мне сказали записывать всё подряд, видите ли, их очень интересует мой внутренний мир. А там ничего, пусто, нечем интересоваться! Осталась от меня одна неполноценная оболочка да ворох никуда не годных потрохов, а всё хорошее, что должно было отлететь в мир иной, споткнулось на полпути и растворилось в небытии. Вот так и продолжает Антошка небо коптить.

И что меня дёрнуло в это ввязаться! Сидеть тут, расписывать... Пошло бы оно всё...

Собственно, это все записи, сделанные Антоном в тот день. От дальнейшего ведения дневника он отказался. Интересно почему, не правда ли? Может, слова, что он сдерживает внутри, приносят ему гораздо больше боли, чем внешние изъязнения, на которые он лишь пытается сместить акцент, скрывая свои настоящие переживания.

Это мы и попытались выяснить у него во время личной беседы.

– Вам не кажется, что вы сильно выделяетесь на фоне других местных жителей?

– Выделяюсь? Только если на фоне вашей парочки своей пока ещё более-менее сносной физиономией.

– С чем связана такая ваша... как бы деликатнее выразится... грубость, озлобленность... нет, скорее даже ядовитость?

– О, как! Ну, последнее, могу точно вас заверить, заслуга трупного яда, подтачивающего меня изнутри столько времени. Вот и случается, что ненароком выплеснешь пару капель.

– Иными словами, это не ваше обычное состояние, и мы просто попали под раздачу?

– Знаете, под раздачу, а если быть точным под штрафы, попаду я, если не буду в конторе у шефа через полчаса.

– Простите, насколько я могу понять, вы где-то работаете?

– Прощаю. Я ж ещё вчера вам говорил, что мне к десяти на работу надо успеть.

– Да, теперь нам бы хотелось уточнить, кем именно вы работаете, если это, конечно, не секрет.

– О, я даже записал на всякий случай, чтоб не забыть... Промоутер-аниматор! Проще говоря, весело раздаю рекламные флаеры магазина экопродуктов в костюме кабачка.

- Вы этим занимаетесь для души?
- Ага. Для денег.
- А для чего вам собственно эти деньги?
- Ну, знаете что, знатоки потусторонней жизни, я, может, и разделяю с вами кров и, так сказать, культурно-смысловое поле, не по своей воле, хочу заметить, но прозябать здесь целыми днями в ожидании неизвестно чего я не намерен.

– Именно это мы и имели в виду, когда вначале заговорили о вашей индивидуальности и непохожести на остальных.

– Да вы ж сами работаете, что ж тут особенного? Скажи только, что за бесплатно. Но это скорее ваше личное упущение, давно бы уже какой-нибудь рекламы понапихали себе в газету.

– В том-то и дело, что нам, как и всем здесь, не нужны деньги. Для нас журналистика это своего рода отдушина. Она помогает читателям и нам самим отвлечься от повседневной неподвижности.

– Отлично! Очень рад за вас и ваших читателей. Но мне помогает отвлечься вкусный ужин в уютном кафе. А для этого по-прежнему нужны деньги.

– Выходит, вы так и не смогли принять здешних ценностей?

– Например, каких? Дождаться второй кончины в мучительных размышлениях, будет ли она вообще?

– Вам не кажется, что вы слишком утрируете и прямо-таки изо всех сил пытаетесь всё очернить?

– Нет. Я же покойник. А они, как известно, самые подлинные реалисты. По крайней мере, мне так казалось до встречи с вами.

– Каким вы видите своё будущее?

– Ну, хоть вы и уличали меня в пессимизме, до конца лета я рассчитываю дослужиться до повышения.

– Интересно, и что оно за собой повлечёт?

– Ничего кардинально нового, но пара приятных мелочей в виде свеженького костюма апельсина, работы в торговом центре, а не только на улице и повышения оклада будут очень кстати.

– У вас очень скромные планы на будущее. Или костюм апельсина для вас действительно значимая цель?

– Вы так недоверчиво к этому относитесь, потому что никогда не работали в этой сфере. Овощи у нас – это низшая каста, а апельсин – это совсем другой уровень... удобный костюм, фотографируются все, вокруг сплошь детские улыбки...

Нам, наверное, пора закругляться, а то одно опоздание – и не видать мне в обозримом будущем никаких повышений.

– Хорошо, тогда последний вопрос. Что могло бы стать вашим призванием в этом мире?

– Страдание.

Вот так неожиданно и закончился наш разговор с самым неоднозначным жителем Воскресенского. Пожелаем ему удачи в его начинаниях и внутренних сил для поиска себя и своего места.

А следующий номер «По ту сторону» читайте уже через неделю.

Призвание

14.07

В одном я им соврал: в тот день у меня был выходной. Но это же не значит, что я должен был потратить его целиком на разговоры с этими журналюгами. Да и о чём, собственно, говорить?

Чем больше времени проходит после, тем сложнее наполнять смыслом события или их отсутствие.

Мне до сих пор не понятно, на кой я им сдался. Хотя, учитывая, что на нашем кладбище, или, как сейчас стало модно говорить, некрополе всего лишь несколько десятков недо- или переумерших (уж сам не знаю) чахликов, из которых только около половины более-менее разговорчивых, рано или поздно я был обязан попасться в лапы к этим недобитым писакам.

Нет, в целом, братья Слизнёвы – неплохие ребята, просто лезут куда попало и выглядят жутковато. Последнее кстати, как видимо и то, что они оказались в числе неупокоенных задохликов, следует из первого.

Во времена своей догробной жизни они были честными журналистами-правдолюбам и разъезжали по провинции, обличая произвол и бесчинство местных власть имущих. Один из регионов они стали посещать особенно часто: уж больно скверные там творили делишки, а инфоповоды в СМИ лишь ненадолго меняли общую картину.

Журналистские расследования в наше время – дело не очень благодарное и крайне опасное, но Слизнёвы, взяв на себя нелёгкий долг служителей народа, продолжали насаждать на негодяев, вскрывая всё новые и новые факты. Объясняя журналистам, что так делать не надо, группа ответственных за профилактические беседы людей явно перестаралась. Так братья и оказались здесь, на Воскресенском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.